

I

Смерть пахла в России иначе, чем в Африке. В Африке под непрерывным огнем англичан трупам тоже случалось подолгу лежать на ничейной земле непогребенными; но солнце работало быстро. Ночами ветер доносил приторный душливый и тяжелый запах — мертвецов раздувало от газов, подобно призракам, поднимались они при свете чужих звезд, будто снова хотели идти в бой, молча, без надежды, каждый в одиночку, но уже наутро они съезживались, приникали к земле бесконечно усталые, словно стараясь уползти в нее — и когда их потом находили, многие были уже совсем легкими и усохшими, а от иных через месяц-другой оставались почти одни скелеты, громыхавшие костями в своих непомерно просторных мундирах. Эта смерть была сухая, в песке, под солнцем и ветром. В России же смерть была липкая и зловонная.

Дождь шел уже несколько дней. Снег таял. А всего лишь месяц назад сугробы были выше человеческого роста. Разрушенная деревня, казалось, состоявшая из одних обуглившихся крыш, с каждой ночью бесшумно вырастала по мере того, как оседал снег. Первыми выглянули наличники окон; несколько ночей спустя — дверные косяки, потом ступеньки крылечек, которые вели прямо в грязно-белое месиво. Снег таял и таял, и из-под него появлялись трупы.

То были давние мертвецы. Деревня много раз переходила из рук в руки — в ноябре, декабре, январе и теперь, в апреле. Ее занимали и оставляли, оставляли и опять занимали, а метель так заносила трупы, что иногда спустя несколько часов санитары многих уже не находили — и почти каждый день белая пелена заново покрывала раз-

рушения, как медицинская сестра покрывает простыней окровавленную постель.

Первыми показались январские мертвецы. Они лежали наверху и выступили наружу в начале апреля вскоре после того, как снег стал оседать. Тела закаменели от мороза, лица казались вылепленными из серого воска.

Их бросали в могилу, как бревна. На холме за деревней, где снегу было меньше, его расчистили и раздолбили промерзшую землю. Это была тяжелая работа.

У декабрьских мертвецов оказывалось оружие, принадлежавшее январским, — винтовки и ручные гранаты уходили в снег глубже, чем тела; иногда вытаскивали и стальные шлемы. У этих трупов было легче срезать опознавательные жетоны, надетые под мундирами; от талой воды одежда успела размокнуть. Вода стояла и в открытых ртах, будто это были утопленники. Некоторые трупы частично уже оттаяли. Когда такого мертвеца уносили, тело его еще не гнулось, но рука уже свисала и болталась, будто посылая привет, с ужасающим, почти циничным равнодушием. У всех, кто полежал на солнце, первыми оттаивали глаза. Роговица была уже студенистой, а не остекленевшей, а лед таял и медленно вытекал из глаз. Казалось, они плачут.

Вдруг на несколько дней вернулись морозы. Снег покрылся коркой и обледенел. Он перестал оседать. Но потом снова подул гнилой, парной ветер.

Сначала на потускневшем снегу появилось серое пятно. Через час это была уже судорожно вздернутая ладонь.

— Еще один, — сказал Зауэр.

— Где? — спросил Иммерман.

— Да вон, у церкви. Может, попробуем откопать?

— Зачем? Ветер сам все сделает. Там, сзади, снегу еще на метр, а то и на два. Ведь эта чертова деревня лежит в низине. Или опять охота ледяной воды набрать в сапоги?

— Нет уж, спасибо! — Зауэр покосился в сторону кухни. — Не знаешь, чего дадут пожрать?

— Капусту. Капусту со свиной и картошку на воде. Свиная там, конечно, и не ночевала.

— Капуста! Опять! Третий раз на этой неделе. — Зауэр расстегнул брюки и начал мочиться.

— Еще год назад я мочился этакой залихватской струей, как из шланга, — сказал он горько. — По-военному. Чувствовал себя отлично. Жратва классная! Шпарили вперед без оглядки, каждый день столько-то километров! Ду-

мал, скоро и по домам. А теперь мочусь, как дохлый шпак, безо всякого вкуса и настроения.

Иммерман сунул руку за пазуху и с наслаждением стал чесаться.

— А по-моему, все равно, как мочиться, лишь бы опять заделаться шпаком.

— И по-моему. Только, похоже, мы так навек и останемся солдатами.

— Ясно. Ходи в героях, пока не сдохнешь. Одним эсэсовцам можно еще мочиться, как людям.

Зауэр застегнул брюки.

— Еще бы. Всю дерьмовую работу делаем мы, а им вся честь. Мы бьемся две-три недели за какой-нибудь поганый городишко, а в последний день являются эсэсовцы и вступают в него победителями раньше нас. Посмотри, как с ними нянчатся. Шинели всегда самые теплые, сапоги самые крепкие и самый большой кусок мяса!

Иммерман усмехнулся.

— Теперь и эсэсовцы уже не берут городов. Теперь и они отступают. В точности, как мы.

— Нет, не так. Мы не сжигаем и не расстреливаем все, что попадется на пути.

Иммерман перестал чесаться.

— Что это на тебя нашло сегодня? — спросил он удивленно. — Ни с того ни с сего какие-то человеческие нотки! Смотри, Штейнбрэннер услышит — живо в штрафную угодишь. А снег перед церковью продолжает оседать! Руку уже до локтя видно.

Зауэр взглянул в сторону церкви.

— Если так будет таять, завтра покойник повиснет на каком-нибудь кресте. Подходящее местечко выбрал! Как раз над кладбищем.

— Разве там кладбище?

— Конечно. Или забыл? Мы ведь тут уже были. Во время последнего наступления. В конце октября.

Зауэр схватил свой котелок.

— Вот и кухня! Живей, а то достанутся одни помои!

Рука росла и росла. Казалось, это уже не снег тает, а она медленно поднимается из земли — как смутная угроза, как окаменевшая мольба о помощи.

Командир роты остановился.

— Что это там?

— Какой-то мужик, господин лейтенант.

Раэ взгляделся. Он рассмотрел полинявший рукав.

— Это не русский, — сказал он.

Фельдфебель Мюкке пошевелил пальцами ног в сапогах. Он терпеть не мог ротного командира. Правда, он и сейчас стоял перед ним руки по швам — дисциплина выше всяких личных чувств, — но чтобы выразить свое презрение, незаметно шевелил пальцами ног. «Дурак безмозглый, — думал он. — Трепло!»

— Прикажите вытащить его, — сказал Раэ.

— Слушаюсь!

— Сейчас же пошлите туда несколько человек. Зрелище не из приятных!

«Эх, ты, тряпка, — думал Мюкке. — Трусливый пачкун! Зрелище не из приятных. Будто нам впервой видеть мертвеца!»

— Это немецкий солдат, — сказал Раэ.

— Слушаюсь, господин лейтенант! Последние четыре дня мы находили только русских.

— Прикажите вытащить его. Тогда увидим, кто он.

Раэ пошел к себе на квартиру. «Осел надутый, — думал Мюкке. — У него печь, у него теплый дом и Железный крест на шее. А у меня нет даже креста первой степени. Хотя я и заслужил его не меньше, чем этот — свой иконостас».

— Зауэр! — крикнул он. — Иммерман! Сюда! Прихватите лопаты! Кто там еще? Гребер! Гиришман! Бернинг! Штейнбрэннер, примите командование! Видите руку? Откопать и похоронить, если немец! Хотя пари держу, никакой он не немец.

Подошел Штейнбрэннер.

— Пари? — спросил он. У него был звонкий мальчишеский голос, которому он безуспешно старался придать солидность. — На сколько?

Мюкке заколебался.

— На три рубля, — сказал он, подумав. — Три оккупационных рубля.

— Пять. Меньше чем на пять я не иду.

— Ладно, пять. Но только платить.

Штейнбрэннер рассмеялся. Его зубы блеснули в лучах бледного солнца. Это был девятнадцатилетний белокурый юноша с лицом готического ангела.

— Ну, конечно, платить! Как же иначе, Мюкке!

Мюкке недолюбливал Штейнбрэннера, но боялся его и держал с ним ухо востро. Было известно, что он нацист «на все двести».

— Ладно, ладно, — Мюкке достал из кармана черешневый портсигар с выжженными на крышке цветами. — Сигарету?

— Ну что ж!

— А ведь фюрер не курит, Штейнбреннер, — как бы мимоходом уронил Иммерман.

— Заткнись!

— Сам заткнись.

— Ты, видно, тут зажрался! — Штейнбреннер покосился на него сквозь пушистые ресницы. — Уже позабыл кое-что, а?

Иммерман рассмеялся.

— Я не легко забываю. И мне понятно, на что ты намекаешь, Макс. Но и ты не забудь, что сказал я: фюрер не курит. Вот и все. Здесь четыре свидетеля. А что фюрер не курит, это знает каждый.

— Хватит трепаться! — сказал Мюкке. — Начинайте копать. Приказ ротного командира.

— Ну что ж, пошли! — Штейнбреннер закурил сигарету, которую ему дал Мюкке.

— С каких это пор в наряде курят? — спросил Иммерман.

— Мы не в наряде, — раздраженно отозвался Мюкке. — Довольно болтать, и за дело! Гиршман, вы тоже. Идите откапывать русского.

— Это не русский, — сказал Гребер.

Только он и подтащил к убитому несколько досок и начал разгрести снег вокруг руки и плеч. Теперь стал отчетливо виден намокший мундир.

— Не русский? — Штейнбреннер быстро и уверенно, как танцовщик, прошел по шатающимся доскам и присел на корточки рядом с Гребером. — А ведь верно! Форма — немецкая. — Он обернулся. — Мюкке! Это не русский! Я выиграл!

Тяжело ступая, подошел Мюкке. Он устался в яму, куда медленно стекала с краев вода.

— Не понимаю, — буркнул он. — Вот уж почти неделя, как мы находим одних русских. Видно, он из декабрьских, только провалился глубже.

— Может и из октябрьских, — сказал Гребер. — Тогда наш полк проходил здесь.

— Ври больше! Из тех никто не мог остаться.

— Нет, мог. У нас был тут ночной бой. Русские отступили, а нам приказали сразу же двигаться дальше.

— Верно, — подтвердил Зауэр.

— Ври больше! Наша тыловая служба наверняка по-добрала и похоронила всех убитых. Наверняка!

— Ну, поручиться трудно. В конце октября выпал глубокий снег. А мы тогда еще продвигались очень быстро.

— Я это от тебя уже второй раз слышу, — Штейнбреннер посмотрел на Гребера.

— Если нравится, можешь услышать и в третий. Мы тогда перешли в контрнаступление и продвинулись больше чем на сто километров.

— А теперь мы отступаем, да?

— Теперь мы опять вернулись на то же место.

— Значит, отступаем? Да или нет?

Иммерман предостерегающе толкнул Гребера.

— А что? Может, мы идем вперед? — спросил Гребер.

— Мы сокращаем линию фронта, — сказал Иммерман и насмешливо уставился на Штейнбреннера. — Вот уже целый год. Это стратегическая необходимость, чтобы выиграть войну. Каждый знает.

— У него кольцо на пальце, — вдруг сказал Гиршман.

Он продолжал копать и выпростал вторую руку мертвеца.

Мюкке нагнулся.

— Верно, — подтвердил он. — И даже золотое. Обручальное.

Все посмотрели на кольцо.

— Осторожнее, — шепнул Иммерман Греберу. — Этот мерзавец еще нагадит тебе с отпуском. Донесет, что ты паникер. Ему только того и нужно.

— Он просто задается. Смотри, сам не оплошай. Ты у него больше на примете, чем я.

— А плевать я на него хотел. Мне отпуска не дадут.

— На нем знаки нашего полка, — сказал Гиршман, расчищая снег руками.

— Значит, определенно не русский, да? — Штейнбреннер с ухмылкой посмотрел на Мюкке.

— Нет, не русский, — сердито отозвался Мюкке.

— Пять рублей! Жаль, что не поспорили на десять. Выкладывай денежки!

— У меня нет с собой.

— А где же они? В государственном банке? Нечего, выкладывай!

Мюкке злобно посмотрел на Штейнбреннера. Потом вытащил из нагрудного кармана кошелек и отсчитал деньги.

— Сегодня мне до черта не везет!

Штейнбрэннер спрятал деньги.

— По-моему, это Рейке, — сказал Гребер.

— Что?

— Лейтенант Рейке из нашей роты. Это его погоны. На правом указательном пальце не хватает одного сустава.

— Вздор. Рейке был ранен, и его эвакуировали в тыл. Нам потом говорили.

— А все-таки это Рейке.

— Освободите голову.

Гребер и Гиршман продолжали копать.

— Осторожно! — крикнул Мюкке. — Голову заденете.

Из сугроба, наконец, показалось лицо. Оно было мокрое, в глазных впадинах еще лежал снег, и это производило странное впечатление, как будто скульптор, лепивший маску, недоделал ее и оставил слепой. Между синими губами блеснул золотой зуб.

— Я не узнаю его, — сказал Мюкке.

— А должен быть он. Других потерь среди офицеров у нас не было.

— Вытрите ему глаза.

Мгновение Гребер колебался. Потом заботливо стер снег перчаткой.

— Конечно, Рейке, — сказал он.

Мюкке заволновался. Теперь он сам принял командование.

Раз дело касается офицера, решил он, распоряжаться должен старший чин.

— Поднять! Гиршман и Зауэр — берите за ноги, Штейнбрэннер и Бернинг — за руки. Гребер, осторожнее с головой. Ну, дружно, вместе — раз, два, взяли!

Тело слегка сдвинулось.

— Еще взяли! Раз, два, взяли!

Труп сдвинулся еще немного. Из снежной ямы, когда туда хлынул воздух, донесся глухой вздох.

— Господин фельдфебель, нога отваливается, — крикнул Гиршман.

Это был только сапог. Он еще держался. От талой воды ноги в сапогах сгнили и мясо расплзлось.

— Отпускай! Клади! — заорал Мюкке.

Но было уже поздно. Тело выскользнуло из рук солдат, и сапог остался у Гиршмана в руках.

— Нога-то там? — спросил Иммерман.

— Поставьте сапог в сторонку и разгребайте дальше, — прикрикнул Мюкке на Гиршмана. — Кто мог знать, что тело уже разваливается. А вы, Иммерман, помолчите. Надо уважать смерть!

Иммерман удивленно взглянул на Мюкке, но промолчал. Через несколько минут весь снег отгребли от тела. В мокром мундире обнаружили бумажник с документами. Буквы расплылись, но кое-что еще можно было прочесть. Гребер не ошибся: это был лейтенант Рейке, который осенью командовал взводом в их роте.

— Надо немедленно доложить, — заявил Мюкке. — Оставьте здесь! Я сейчас вернусь.

Он направился к дому, где помещался командир роты. Это был единственный более или менее уцелевший дом. До революции он, вероятно, принадлежал священнику. Раэ сидел в большой комнате. Мюкке с ненавистью посмотрел на широкую русскую печь, в которой пылал огонь. На лежанке спала, растянувшись, овчарка. Мюкке доложил о происшествии, и Раэ отправился вместе с ним. Подойдя к мертвому телу, Раэ несколько минут смотрел на него.

— Закройте ему глаза, — сказал он наконец.

— Невозможно, господин лейтенант, — ответил Гребер. — Веки слишком размякли, как бы не оторвать.

Раэ взглянул на разрушенную церковь.

— Перенесите его пока туда. Гроб найдется?

— Гробы пришлось оставить, — доложил Мюкке. — У нас было несколько про запас. Теперь они попали к русским. Надеюсь, они им пригодятся.

Штейнбрэннер захохотал. Раэ не смеялся.

— А можно сколотить гроб?

— Скоро его не сделаешь, господин лейтенант, — отозвался Гребер. — А тело уж совсем раскисло. Да и вряд ли мы найдем в деревне подходящий материал.

Раэ кивнул.

— Заверните его в плащ-палатку. Так в ней и похороним. Выкопайте могилу и сбейте крест.

Гребер, Зауэр, Иммерман и Бернинг перенесли обвисающее тело к самой церкви. Гиршман нерешительно следовал за ними, неся сапог, в котором застряли куски ноги.

— Фельдфебель Мюкке! — окликнул Раэ.

— Господин лейтенант!

— Сегодня сюда будут доставлены четверо русских партизан. Завтра же на рассвете их надо расстрелять. По-

ручено нашей роте. Найдите в вашем взводе охотников. В противном случае людей назначить приказом.

— Слушаюсь, господин лейтенант!

— Одному Богу известно, почему именно мы. Ну, да при этакой неразберихе...

— Я вызываюсь добровольно, — заявил Штейнбрэннер.

— Хорошо.

Лицо Раэ ничего не выразило. Он, как на ходулях, зашагал по расчищенной дорожке к дому. «Пошел к своей печке, — подумал Мюкке. — Тряпка! Большое дело — расстрелять несколько партизан! Как будто они не расстреливают наших людей сотнями!»

— Если русских привезут вовремя, пусть выкопают могилу и для Рейке, — сказал Штейнбрэннер. — Нам не надо будет трудиться. Заодно! Как по-вашему, господин фельдфебель?

— Не возражаю!

На сердце у Мюкке кошки скребли. «Эх ты, чернильная твоя душонка! — думал он. — Тощий, как жердь, долговязый, в роговых очках. Лейтенант еще с первой мировой войны. И ни одного повышения! Храбрый? Ну а кто нынче не храбр? Нет в нем фюрерской закваски!»

— Какого вы мнения о Раэ? — спросил он Штейнбрэннера.

Тот взглянул на него с недоумением.

— Ведь он наш ротный, верно?

— Ясно. Ну а вообще?

— Вообще? Что вообще?

— Ничего, — недовольно буркнул Мюкке.

— Так достаточно глубоко? — спросил старший из русских.

Это был старик лет семидесяти с грязно-белой бородой и ясными голубыми глазами; он говорил на ломаном немецком языке.

— Заткни глотку и жди, пока спросят, — крикнул Штейнбрэннер.

Он заметно повеселел. Среди партизан оказалась женщина, и глаза его неотступно следили за ней. Она была молодая и здоровая.

— Надо глубже, — сказал Гребер. Вместе с Штейнбрэннером и Зауэром он наблюдал за работой пленных.

— Для нас? — спросил русский.

Штейнбрэннер одним прыжком подскочил к нему и наотмашь ударил по лицу.

— Я же сказал, дед, чтобы ты помалкивал. Тут тебе не ярмарка, понял?

Штейнбрэннер улыбнулся. На лице его не было злобы, только выражение удовольствия, как у ребенка, когда он отрывает мухе ножки.

— Нет, это могила не для вас, — сказал Гребер.

Русский не шевельнулся. Он стоял неподвижно и смотрел на Штейнбрэннера. А тот уставился на него. Что-то изменилось в лице Штейнбрэннера. Он весь подобрался, очевидно, решив, что русский вот-вот на него бросится, и ждал только первого движения. Что ж, он пристрелит его на месте! Велика важность! Старик все равно приговорен к смерти; и никто не станет доискиваться, убил ли он по необходимости, защищаясь, или просто так. Однако самому Штейнбрэннеру это было не все равно. Гребер не мог понять, задирает ли Штейнбрэннер русского из чисто спортивного интереса, чтобы тот на минуту потерял самообладание, или у него еще не выветрился тот своеобразный педантизм, при котором человек, даже убивая, старается доказать себе, что он прав. Бывало и то и другое. При чем даже одновременно. Гребер видел это не раз.

Русский не шевельнулся. Кровь из разбитого носа стекла на бороду. Гребер спрашивал себя, как поступил бы он сам в таком положении — бросился бы на противника, рискуя быть тут же убитым, или все вытерпел бы за несколько лишних часов, за одну ночь жизни? Но так и не нашел ответа.

Русский медленно нагнулся и поднял кирку. Штейнбрэннер отступил на шаг. Он был готов стрелять. Но русский не выпрямился. Он продолжал долбить дно ямы. Штейнбрэннер усмехнулся.

— Ложись на дно! — скомандовал он.

Русский отставил кирку и лег в яму. Он лежал неподвижно.

Несколько комочков снега упали на него, когда Штейнбрэннер перешагнул через могилу.

— Длина достаточная? — спросил он Гребера.

— Да. Рейке был невысок.

Русский смотрел вверх. Глаза его были широко раскрыты. Казалось, в них отражается небесная голубизна. Мягкие волосы бороды возле рта чуть шевелились от дыхания. Штейнбрэннер выждал некоторое время, потом сказал:

— Вылезай!

Русский с трудом вылез из ямы. Мокрая земля прилипла к его одежде.

— Так, — сказал Штейнбрэннер и посмотрел на женщину. — А теперь пойдем копать ваши могилы. Не обязательно рыть их так же глубоко. Наплевать, если вас потом сожрут лисы.

Было раннее утро. Тускло-красная полоса лежала на горизонте. Снег поскрипывал: ночью опять слегка подморозило. Вырытые могилы зияли чернотой.

— Черт бы их взял, — сказал Зауэр. — Что это они нам опять подсудобили? С какой стати мы должны этим заниматься? Почему не СД¹? Ведь это они мастера пускать в расход. При чем тут ты? Это уж третий раз. Мы же честные солдаты.

Гребер небрежно держал в руках винтовку. Сталь была ледяная. Он надел перчатки.

— У СД работы в тылу хоть отбавляй.

Подошли остальные. Только Штейнбрэннер был вполне бодр и, видимо, отлично выспался. Его прозрачная кожа розовела, как у ребенка.

— Слушайте, — сказал он, — там эта корова. Оставьте ее мне.

— То есть как это мне? — спросил Зауэр. — Обрюхатить ее ты уже не успеешь. Надо было раньше попробовать.

— Он и пробовал, — сказал Иммерман.

Штейнбрэннер со злостью обернулся.

— А ты откуда знаешь?

— Она его не подпустила.

— Больно ты хитер. Если бы я захотел эту красную корову, я бы ее получил.

— Или не получил.

— Да бросьте вы трепаться. — Зауэр взял в рот кусок жевательного табаку. — Коли охота пристрелить ее самому, пожалуйста. Я особенно не рвусь.

— Я тоже, — заявил Гребер.

Остальные промолчали. Стало светлее. Штейнбрэннер сплюнул и злобно сказал:

— Расстрел — слишком большая роскошь для этих бандитов. Станем мы еще патроны на них тратить! Повесить их надо!

¹ СД — SD (Sicherheitsdienst) — служба безопасности.

— А где? — Зауэр посмотрел вокруг. — Ты видишь хоть одно дерево? Или прикажешь сначала виселицу смастерить? Из чего?

— Вот и они, — сказал Гребер.

Показался Мюкке с четырьмя русскими. По два солдата конвоировали их спереди и сзади. Впереди шел старик, за ним женщина, потом двое мужчин помоложе. Все четверо, не ожидая приказа, построились перед могилами. Прежде чем стать к могиле спиной, женщина заглянула вниз. На ней была красная шерстяная юбка.

Лейтенант Мюллер из первого взвода вышел от ротного командира. Он замещал Раэ при исполнении приговора. Это было глупо, но формальности кое в чем еще соблюдались. Каждый знал, что четверо русских могут быть партизанами, а могут и не быть, и что у них нет ни малейшего шанса на оправдание, хотя их допросили по всей форме и вынесли приговор. Да и что тут можно было доказать? При них якобы нашли оружие. Теперь их должны были расстрелять с соблюдением всех формальностей, в присутствии офицера. Как будто это было им не все равно.

Лейтенанту Мюллеру шел двадцать второй год, и его всего шесть недель как прислали в роту. Он внимательно оглядел приговоренных и вслух прочитал приговор.

Гребер посмотрел на женщину. Она спокойно стояла в своей красной юбке перед могилой. Это была сильная, молодая, здоровая женщина, созданная, чтобы рожать детей. Она не понимала того, что читал Мюллер, но знала, что это смертный приговор и что через несколько минут жизнь, которая так неукротимо бьется в ее жилах, будет оборвана навеки; и все-таки она стояла спокойно, как будто ничего особенного не происходило и она просто немного озябла на утреннем морозе.

Гребер увидел, что Мюкке с важным видом что-то шепчет Мюллеру. Мюллер поднял голову.

— А не лучше ли будет потом?

— Никак нет, господин лейтенант, так проще.

— Ладно. Делайте, как знаете.

Мюкке выступил вперед.

— Скажи вон тому, чтобы сапоги снял, — обратился он к старику, понимавшему по-немецки, и указал на пленного помоложе.

Старик выполнил его приказ. Он говорил тихо и слегка нараспев. Пленный — тщедушный парень — сначала не понял.

— Живо! — прорычал Мюкке. — Сапоги! Снимай сапоги!

Старик повторил то, что уже сказал раньше. До молодого, наконец, дошло, и торопливо, как человек, который понимает, что допустил оплошность, он начал снимать сапоги. Стоя на одной ноге и неловко подпрыгивая, он стаскивал сапог с другой. «Почему он так спешит? — думал Гребер. — Чтобы умереть минутой раньше?» Парень взял сапоги в руки и с готовностью протянул их Мюкке. Сапоги были хорошие. Мюкке что-то буркнул и ткнул рукой в сторону. Парень поставил сапоги и вернулся на свое место. Он стоял на снегу в грязных портянках, из них высывались желтые пальцы ног и он смущенно поджимал их.

Мюкке пристально оглядывал остальных. Он заметил у женщины меховые варежки и приказал положить их рядом с сапогами. Некоторое время он присматривался к ее шерстяной юбке. Юбка была совсем крепкая, из добротного материала. Штейнбрэннер украдкой посмеивался, но Мюкке так и не приказал женщине раздеваться. То ли он боялся Раэ, который мог из окна наблюдать за казнью, то ли не знал, что ему делать с юбкой. Он отошел.

Женщина что-то очень быстро проговорила по-русски.

— Спросите, что ей нужно, — сказал лейтенант Мюллер. Он был бледен. Это была его первая казнь. Мюкке передал вопрос старику.

— Ей ничего не нужно, она только проклинаяет вас, — ответил тот.

— Ну, что? — крикнул Мюллер, он ничего не понял.

— Она проклинаяет вас, — сказал старик громче. — Она проклинаяет вас и всех немцев, что пришли на русскую землю. Она проклинаяет и детей ваших! Она говорит, что настанет день, и ее дети будут расстреливать ваших детей, как вы нас расстреливаете.

— Вот гадина! — Мюкке, оторопев, уставился на женщину.

— У нее двое ребят, — сказал старик. — И у меня трое сыновей.

— Хватит, Мюкке! — нервничая, крикнул Мюллер. — Мы же не пасторы!

Отделение стало по команде «смирно». Гребер сжал в руке винтовку. Он снова снял перчатки. Сталь впивалась холодом в пальцы. Рядом стоял Гиршман. Он весь побелел, но не двигался. Гребер решил стрелять в русского, стоявшего с левого края. Раньше, когда его назначали в та-

кую команду, он стрелял в воздух, но теперь уже давно этого не делал. Ведь людям, которых расстреливали, это не помогало. Другие чувствовали то же, что и он, иногда бывало, что чуть ли не умышленно стреляли мимо. Тогда процедура повторялась, и в результате пленные дважды подвергались казни. Правда, был случай, когда какая-то женщина, в которую не попали, бросилась на колени и со слезами благодарила их за эти дарованные несколько минут жизни. Он не любил вспоминать о той женщине. Да это больше и не повторялось.

— На прицел!

Сквозь прорезь прицела Гребер видел русского. Это был тот самый старик с бородой и голубыми глазами. Мушка делила его лицо пополам. Гребер взял пониже; последний раз он кому-то снес выстрелом подбородок. В грудь было надежнее. Он видел, что Гиршман слишком задрал ствол и целится поверх голов.

— Мюкке смотрит! Бери ниже. Левее! — пробормотал он.

Гиршман опустил ствол.

— Огонь! — раздалась команда.

Русский как будто вырос и шагнул навстречу Греберу. Он выгнулся, словно отражение в кривом зеркале ярмарочного балагана, и упал навзничь. Но не свалился на дно ямы. Двое других осели на землю. Тот, что был без сапог, в последнюю минуту поднял руки, чтобы защитить лицо. После залпа одна кисть повисла у него на сухожилиях, как тряпка. Русским не связали рук и не завязали глаз. Об этом позабыли.

Женщина упала ничком. Она была еще жива. Она оперлась на руку и, подняв голову, смотрела на солдат. На лице Штейнбрэннера заиграла довольная улыбка. Кроме него никто в женщину не целился.

Из могилы донесся голос старика: он что-то пробормотал и затих. Только женщина все еще лежала, опираясь на руки. Она обратила широкоскулое лицо к солдатам и что-то прохрипела. Старик был мертв, и уже некому было перевести ее слова. Так она и лежала, опираясь на руки, как большая пестрая лягушка, которая уже не может двинуться, и сипела, не сводя глаз с немцев. Казалось, она не видит, как раздраженный ее сипеньем Мюкке подходит к ней сбоку. Она сипела и сипела и только в последний миг увидела револьвер. Откинув голову, она впилась зубами в руку Мюкке. Мюкке выругался и левой рукой с размаху

ударил ее в подбородок. Когда ее зубы разжались, он выстрелил ей в затылок.

— Безобразно стреляли, — прорычал Мюкке, — целиться не умеете!

— Это Гиршман, господин лейтенант, — доложил Штейнбрэннер.

— Нет, не Гиршман, — сказал Гребер.

— Тихо! — заорал Мюкке. — Вас не спрашивают!

Он взглянул на Мюллера. Мюллер был очень бледен и словно оцепенел. Мюкке нагнулся, чтобы осмотреть остальных русских. Он приставил револьвер к уху того, что помоложе, и выстрелил.

Голова дернулась и снова легла неподвижно. Мюкке сунул револьвер в кобуру и посмотрел на свою руку. Вынув носовой платок, он завязал ее.

— Смажьте йодом, — сказал Мюллер. — Где фельдшер?

— В третьем доме справа, господин лейтенант.

— Ступайте сейчас же.

Мюкке ушел. Мюллер поглядел на расстрелянных. Женщина лежала головой вперед на мокрой земле.

— Положите ее в могилу и заройте, — сказал Мюллер.

Он вдруг разозлился, сам не зная почему.

II

Ночью грохот, катившийся из-за горизонта, опять усилился. Небо стало багровым и вспышки орудийных залпов — ярче. Десять дней назад полк был отведен с передовой и находился на отдыхе. Но русские приближались. Фронт перемещался с каждым днем. Теперь он не имел определенной линии. Русские наступали. Они наступали уже несколько месяцев. А полк уже несколько месяцев отходил.

Гребер проснулся. Он прислушался к гулу и попытался снова заснуть. Ничего не вышло. Немного спустя он надел сапоги и вышел на улицу.

Ночь была ясная и морозная. Справа, из-за леса, доносились разрывы. Осветительные ракеты висели в воздухе, точно прозрачные медузы, и изливали свет. Где-то за линией фронта прожекторы шарили по небу в поисках самолетов.